«СКАЗАНИЕ О ПИСЬМЕНАХ» ЧЕРНОРИЗЦА ХРАБРА КАК ИСТОЧНИК ИЗУЧЕНИЯ ГЛАГОЛИЧЕСКОЙ ПРОБЛЕМЫ

Людмила Б. Карпенко (Самара)

«Сказание о письменах Черноризца Храбра» - один из памятников древнеславянской письменности, документ, представляющий собой рассказ об истории возникновения письма у славян и апологию первой славянской азбуки. Текст этого памятника имел широкое распространение в славянских землях. Исключительная популярность в славянской средневековой литературе этого небольшого по объему рассказа определяется его документальностью, обилием точных сведений, касающихся истории развития письма, а также патриотическим всеславянским пафосом. В нем Храбр с позиции своего времени дает ретроспективу исторического пути славянской письменности, указывая на три его этапа: этап добуквенных «черт и резов» до крещения; этап использования греческого и латинского письма «без устроения» и, наконец, время появления самостоятельного письма у славян, изобретенного Константином-Кириллом Философом. Храбр противопоставляет славянскую азбуку греческой и отстаивает достоинства славянской азбуки, более приспособленной для письма, так как она « устроена» «по славянской речи», и «более святой», чем греческая, поскольку она создана «святым мужем», а не язычниками эллинами. Автор «Сказания» точно определяет время появления славянской азбуки в правление «Михаила, цесаря греческого, и Бориса, князя болгарского, и Ростислава, князя моравского, и Коцела, князя блатенского, в лето же от создания мира 6363», и с гордостью говорит о просвещенности славян. Все славянские книжники знают имя создателя славянской азбуки - святого Константина Философа: **вси вѣдѧтъ. и ѿвѣщавше рекѹтъ стыи коньстантинъ философъ, нарицаемыи кирилъ, тои намъ писмена сотворилъ, и книги преложилъ** (древнеславянский текст цитируется по Усовскому списку [Трембовольский, 1989, 68-90]).

Написано было «Сказание о письменах» предположительно в конце IX - начале X века неизвестным древнеболгарским книжником, о котором не дошло никаких сведений ни от современников, ни от писателей более позднего времени. Весьма скупые сведения об авторе исследователи черпают из самого текста «Сказания». Несмотря на многократно предпринимавшиеся исследования памятника и длительную научную дискуссию, ни личность автора, ни его происхождение, ни имя не определяются однозначно [Вилинский, 1901]. Еще в 1848 году в статье «Древние письмена славянские» И. И. Срезневский высказал предположение, что «Сказание» было написано православным книжником, жившим где-то у границ Византии в эпоху, непосредственно следующую за

эпохой деятельности Кирилла и Мефодия. В 1855 году О. М. Бодянский, развивая идеи И. И. Срезневского, в книге «О времени происхождения славянских письмен», писал, что Храбр должен был жить в западной части Болгарского царства, где работали после изгнания из Великой Моравии ученики Кирилла и Мефодия. В конце XIX века И. В. Ягич высказал предположение, что имя Храбра представляет собой литературный псевдоним. П. А. Лавров полагал, что Храбр «был или западный славянин, или же если и южный, то побывавший в Великоморавской державе». П. А. Лавров в своих рассуждениях опирался на отраженные в тексте «Сказания» и замеченные еще раньше О. М. Бодянским и И. В. Ягичем западнославянские языковые приметы: имя **Ростицѣ,** употребленное по отношению к великоморавскому князю Ростиславу и сохраненное в нескольких древних списках, и числительное **четыре между десѧтьма** в значении «двадцать четыре», встретившееся в Бреславльском списке «Сказания» и образованное по очень редкому славянскому типу, следы от которого сохраняются в чешском языке. О. М. Бодянский писал, что «имя Растица, даваемое Ростиславу иностранцами и встречаемое в западных латинских летописях, есть наше славянское, означающее особенного рода любовь, уважение, расположение». С. Г. Вилинский указывал также как на факт, подтверждающий близость Храбра к западным славянам, на название в Бреславльском списке Ростислава **царем** вместо **князем** [Вилинский, 1901]. Все же он считал, что автором был болгарин, побывавший в западнославянских землях, а не мораванин, поскольку полемика с греками, которая составляет главную цель сочинения Храбра, велась в Болгарии.

Имя «Храбр», упомянутое в названии рассказа, и сегодня интерпретируется исследователями по-разному: К. Куевым и И. Снегаровым - как личное имя собственное, другими учеными как эпитет к слову «черноризец». Черноризец храбр, то есть храбрый черноризец, храбрый монах, так мог быть назван неизвестный автор за полемическую заостренность рассказа, за пафос, утверждающий право славянства на создание своего собственного письма. Г. А. Ильинский и И. Гошев связывали этот эпитет с личностью Константина - Кирилла Философа, Ф. Снопек - с Климентом Охридским, учеником Кирилла, В. Н. Златарский считал, что автором рассказа был болгарский царь Симеон, сын Бориса, а Е. Георгиев полагал, что за этим именем скрывается брат Бориса Черноризец Докс. Атрибуции в исследованиях ученых весьма разнообразны, но, кто бы ни стоял за этим славным именем, автор «Сказания» вырастает в легендарную личность, так как он застал на своем веку славянских первоапостолов: **сѫт бѡ єщє живи иже сѫть видѣли ихъ.** Эта строчка, читаемая в Московском списке, позволяет определить время жизни Храбра как конец IX - начало X века.

Чтобы оценить значение этого труда для понимания древнеславянской ментальности, отраженной в глаголических буквах,

нужно учесть, что автор его был «одним из первых», продолжателем апостольского дела Константина-Кирилла, представителем и выразителем той же самой эпохи.

Как памятник, повествующий об истории возникновения письменности у славян, «Сказание о письменах Черноризца Храбра» попало в поле зрения русских грамматистов уже в XVII веке. Оно было напечатано в 1637 г. в «Азбуке» Василия Бурцева, в 1776 г. было издано Новиковым в первой части «Повествователя древностей Российских», в 1781 г. в «Супрасльской азбуке» и пр. Перечень этих ранних изданий содержится в работе О. Бодянского «О времени происхождения славянских письмен» [Бодянский, 1855].

В начале XIX века в связи с общим пробуждающимся интересом к истории славянской культуры, к памятникам старославянской письменности, к вопросу о происхождении славянских азбук начинается разыскание и исследование рукописных списков «Сказания о письменах Черноризца Храбра». Первым был издан в 1824 г. К. Калайдовичем в сборнике «Иоанн Экзарх Болгарский» болгарский список 1348 года, хранившийся тогда в Императорской Публичной Библиотеке. Позднее издание было повторено П. И. Шафариком, И. В. Ягичем и в сводном тексте по ряду списков воспроизведено С. Г. Вилинским.

В 1848 г. И. И. Срезневским «Сказание о письменах» было опубликовано выборочно по списку Московской Духовной академии (№ 145, лл. 380-383), представляющему рукопись XV века. Данная рукопись примечательна тем, что именно в ней содержится строка **сѫт бѡ єщє живи иже сѫть видѣли ихъ**, дающая основания для предположительной датировки памятника. В 1852 г. текст списка был полностью напечатан С. Н. Палаузовым в книге «Век болгарского царя Симеона». Список издавался также И. В. Ягичем, С. Г. Вилинским и др. С момента опубликования текст данного списка привлек внимание исследователей как наиболее ранняя редакция памятника. Ряд особенностей списка позволил О. М. Бодянскому установить, что он восходит к глаголическому оригиналу. Важно отметить, что для выяснения глаголической проблемы этот список имеет исключительное значение: в нем приведен полный перечень букв составленного Кириллом алфавита (большая часть списков сохраняет сокращенный перечень букв). Буквы славянской азбуки приводятся в следующем перечне: **кд пѡбна гречьскымь писменємь, сѫт же си . а, в, г, д, є, ѕ, и, і, к, л, м, н, о, п, р, с, т, оу, ф, х, ѡ, и пѣ, хлъ, тъ. а ги по словєнскѹ языкѹ, си б, ж, ꙁ, л, ц, ч, ш, ъ, шь, мь, ъ, ѣ, іѫ, ю, ѧ**.

Как видим, здесь упоминаются буквы **Пѣ, Хлъ, Тъ,** указывающие именно на глаголицу как на азбуку, созданную Кириллом. Как известно, букв **Пѣ, Хлъ, Тъ** в кириллице никогда не было, вместе с тем, они определяются как глаголические на основании совокупности прямых и косвенных данных, полученных при изучении глаголических

памятников (Ассеманиево евангелие, Синайская псалтырь, Мюнхенский абецедарий, азбучные акростихи).

К настоящему времени обнаружено (главным образом благодаря кропотливым разысканиям болгарского языковеда Кую Куева) 150 его списков, относящихся к XIV-XVIII вв., в их числе опубликованный недавно К. Куевым Черногорский список, в составе рукописи Патерика XVII в., хранящегося в монастыре Св. Троицы под Плевлей [Куев, 1988, 103-112], а также обнародованный Я. Л. Трембовольским Усовский список, в составе «грамматического сборника» XVII в., хранящегося в собрании рукописей Е. И. Усова в ГБЛ [Трембовольский, 1989, 68-90]. Черногорский список представляет сербскую редакцию текста, а Усовский, как и многие другие списки, представляет русскую редакцию. Наиболее ранняя русская редакция «Сказания» представлена упоминавшимся выше Московским списком XV в. и Соловецким XVII в. Текст этих списков положен в основу перевода, осуществленного и опубликованного Б. Н. Флорей в сборнике «Сказания о начале славянской письменности», подготовленном Институтом славяноведения и балканистики АН СССР. О современном состоянии изученности сказания Черноризца Храбра см.: [Флоря, 1981, 174-189; Куев, 1967; Цанев, 1995, 174-180].

Сказание Черноризца Храбра «О письменах» - памятник конца IX века - стоит у истоков православной христианской традиции в славянской культуре. Это религиозно-патриотическое произведение о вхождении славян в «священную историю». В нем Черноризец Храбр обосновывает и отстаивает право «рода славянского» на его место в «священной истории». В этом смысле он поддерживает и продолжает «апостольское дело» Кирилла и Мефодия - духовное просвещение славянского племени посредством славянского письменного слова. Последователь славянских первоапостолов, как и Константин Преславский, Черноризец Храбр считает, что «безбуквенная душа мертвой является в человеках». «Славянские письмена» призваны освободить человека от духовного бессловесия, от безрассудства, от духовной неустроенности. Таким образом, вхождение славян в «священную историю» может начаться и начинается только с письменности, с упорядоченности букв, которые должны быть организованы в соответствии со священно-сакрализованным мироустройством [Карпенко, 1994, 74-79; Карпенко, 1998, 61-78 и др.]. Черноризец Храбр, следуя апостольской традиции своих учителей, отстаивает и в споре с оппонентами утверждает право писать и читать священные тексты на славянском языке. Он уподобляет «род славянский» отдельному человеку, который проходит в своей жизни различные этапы на пути постижения истины, пока она ему не откроется во всем сиянии и блеске. С этой точки зрения у человека нет биографического пути, а у славянского рода нет (в привычном значении этого слова) исторического пути, насыщенного последовательно развивающимися событиями. Храбр рассматривает историю, жизнь славянского рода с христианских позиций.

Для него в жизни славян есть одно наиважнейшее событие, равное Крещению, определившее их судьбу, - создание Константином Философом славянской письменности.

Как уже было отмечено, по свидетельству Черноризца Храбра, славяне на пути обретения письменности проходят несколько этапов. Их история (предыстория) начинается с «темного периода», когда они были язычниками и не имели ни письменности, ни христианской веры: «Ведь прежде славяне, когда были язычниками, не имели письмен, но читали и гадали с помощью черт и резов». Второй этап их истории - Крещение. Но когда они «крестились, - замечает Храбр, - то пытались записывать славянскую речь римскими и греческими письменами, без порядка». Славяне приняли христианство, но еще нет порядка, нет гармонической устроенности и духовного лада: подражают иностранному, следуют «иноплеменной моде». «И так было многие годы», - подчеркивает Черноризец Храбр, говоря о долгом периоде в жизни славян. Это внутренне скрытый, но, наверное, самый сложный этап - время искушений, колебаний и сомнений: слишком величественны дары античной культуры, чтобы от них отказаться. Но, по законам житийного жанра, период испытаний и искушений, время «пустынножительства», заканчивается чудом преображения - славяне обретают письменность. Она есть благодатный дар самого Бога. Славяне среди равных, у них свой «подарок». Черноризец Храбр подчеркивает, что Творец не стал «передаривать» чужое славянам. Он дает славянам в лице Константина Философа творческую возможность создать свою письменность. Бог избрал славян, как некогда евреев, для заключения священного союза: «Бог человеколюбец, который правит всем и не оставляет человеческого рода без знания, но всех приводит к познанию и спасению, помиловал род славянский и послал им святого Константина Философа».

Фраза, произнесенная Черноризцем Храбром, подобна словесной иконе и безупречна с точки зрения христианского мироощущения. Она содержит основные онтологические слова-символы и направляет сознание православного славянина в русло религиозного переживания, последовательно соотнося Бога, любовь, человеческий род, человека, знание и спасение. В этой цепочке соотнесений и уподоблений последнее - спасение, касающееся человеческого рода, - равно первому - Богу, или, лучше сказать предметнее, поскольку спасение открывает путь к Богу, начинает для славянского рода «священную историю».

Высказывание Черноризца Храбра равнозначно деянию. Страстное апостольское слово, как божественный огонь, проникает в человека, очищает его и ведет к спасению. Спасением и определяется смысл и направленность человеческой жизни, «освящается» исторический путь. Слова Черноризца Храбра безупречны и еще в одном отношении: они в силу содержащихся в них онтологических компонентов «показательны» (о наглядности доказательства бытия Божия - о его «показательстве» - см.:

[Аверинцев, 1975, 373]) . Никто не дерзнет их опровергнуть, так как никто не осмелится выступить против благодатного дара, против Божьей милости. Таким образом, письмена обеспечивают славянам право быть включенными в «священную историю».

Не только «Сказание о письменах» Черноризца Храбра, но и другие письменные источники, например так называемые в прошлом «Паннонские легенды», «Похвальное слово Кириллу и Мефодию», рассказывают о создании первого славянского алфавита как о милости Божией. Перед тем как создать свою азбуку для славян, как повествуется в «Пространном житии Кирилла», славянский первоучитель предавался аскезе - стоял на молитве. Таким образом, не только Черноризец Храбр, но и другие древнеславянские книжники говорят об особой святости славянских букв.

Заключительные слова Черноризца Храбра, противопоставляющие греческим буквам письмена кириллова алфавита и подчеркивающие их христианскую сакральную содержательную основу, являются важным свидетельством при решении вопроса об атрибуции глаголицы Кириллу и служат важным аргументом в исследовании ее символического содержания.

«Сказание о письменах Черноризца Храбра» представляет собой исключительную ценность для решения многих вопросов, связанных с происхождением глаголицы. Автор его был современником Константина-Кирилла, в его «Сказании» отражены слово и дух времени. Он свидетель событий. Еще в середине XIX в. А. В. Горским, И. И. Срезневским, П. И. Шафариком и другими славистами было высказано предположение о том, что первоначальный вариант «Сказания о письменах» имел в своей основе глаголический текст. Предпринятые в XX в. исследования состава глаголического алфавита в связи с анализом азбучных акростихов и древнейших славянских абецедариев подтвердили это предположение.

«Сказание о письменах Черноризца Храбра» помогает установлению содержательной основы глаголической азбуки. В своем сочинении, возражая своим противникам и рассуждая вместе со сторонниками славянского письма о том, когда и как появились буквы у славян, Храбр проводит следующую важную для нас мысль: посланными через Кирилла буквами Бог привел славян к познанию, он даровал славянам спасение от языческой темноты: «Ведь прежде славяне, когда были язычниками...гадали». Храбр отождествляет славянское письмо и особое, дарованное Богом знание. Славянское письмо и есть знание - утверждает последняя, ключевая фраза трактата: «Такое знание, братья, дал Бог славянам».

Храбр отчетливо противопоставляет славянскую азбуку, созданную Кириллом, и греческую по их характеру и происхождению. Он говорит как бы о двух разных графических системах. При этом он намеренно и последовательно использует и разную терминологию, разную глагольную лексику, которой передает возникновение греческого письма и

славянского. Это в особенности ярко иллюстрирует следующий отрывок текста: **И аще вопросиши книгочїѧ греческїѧ гл҃ѧ кто вамъ есть писмена оустроилъ, и книги преложилъ или в кое врема. то мало и(χ) вѣдѧ(т). аще ли же вопросиши словенски(χ) бꙋкварей гл҃ѧ . кто вамъ писмена сотворилъ есть, и книги преложи(л). то вси вѣдѧтъ. и ѿвѣщавше рекꙋтъ ст҃ыи коньстантинъ философъ, нарицаемыи кирилъ, тои намъ писмена сотворилъ, и книги преложилъ.**

Во всем тексте «Сказания» по отношению к греческому письму Храбр использует лексемы, указывающие на его «нетворческую природу»: **wбрѣсти, приложити, собрати, составити, оустроити,** но не **сотворити.** Греческое письмо, как пишет Храбр, **собрали**. Некоторые буквы **wбрѣли**, т.е. «нашли», другие **приложили**, другие **оустроили,** письмо **собрали: и тако мнwзи мнwгими лѣты, едва собраша . ли҃. писменъ.** Это письмо не было создано в результате творческого акта, оно было сложено, составлено за долгое время. Храбр характеризует греческое письмо как письмо, которое появилось эволюционным путем в результате приспособления финикийского алфавита. **но прежде сего еллини не имѣѧхоу своимъ ꙗзыкомъ писменъ, но финическими писмены писахꙋ свою рѣчь, и тако быша мнwга лѣта. палами(д) послѣди пришедъ и наченъ ѿ алфы . sї҃. писме(н) токмо еллиномъ wбрѣтѐ. приложил иже имъ кадмосъ и(з) миликїи писмена, г҃. и съставиша(с), .ѳї҃. писменъ. и писахꙋ тѣми писмены лѣта мнwга. пото(м) симонидъ wбрѣтъ приложи два писмена: епиχарїи же сказатель . г҃. писмена wбрѣтѐ, и собра сѧ и(χ) . кд҃. по мнwзѣχ же лѣтѐ(χ) дїони(с) граматикъ . s҃. двоегласны(χ) wбрѣтѐ. потом же дрꙋгїи . є҃. і инъ . г҃. чисменитлѧ. и тако мнwзи мнwгими лѣты, едва собраша . ли҃. писменъ. потом же мнwзѣмъ лѣтомъ минꙋвшимъ, бжїим повелѣнїемъ wбрѣтесѧ . о҃. мужей, иже преложиша ѿ жидовьска ꙗзыка книги, на греческїи ꙗзыкъ, повелѣнїемъ египетьскаго цр҃ѧ птоломѣѧ.**

Иное дело славянская азбука. Акт появления славянских букв подобен деянию Бога. Это акт творения. Черноризец Храбр говорит о деяниях Кирилла, используя ту же лексику, которую он употребляет, говоря о деяниях Бога: **ꙗко бг҃ъ нбо и землю сотвори**; **мнѧтъ таковїи ꙗко единемъ имъ сътвори бг҃ъ писмена.** Храбр говорит о славянской азбуке, постоянно используя один и тот же глагол **творити:**

1) **и сотвори имъ . л҃ . и . и҃ . писменъ**; 2) **и тѣмъ подобѧ сѧ ст҃ыи кирилъ сотвори первоє писмѧ азъ**; 3) **нѣцїи же глю(т), почто**

єсть . л҃и . писменъ сътворилъ; 4) **тѣм же тому подобно и в той wбра(з), сътвори с҃тыи кирилъ . л҃и. писменъ**; 5) **словеньскаѧ писмена єдінъ с҃тwи ко(н)стантинъ, нарицаємыи въ мнишескомъ чину кирилъ философъ писмена сътвори**; 6) **с҃тыи коньстантинъ философъ, нарицаємыи кирилъ, тои намъ писмена сотворилъ** и др.

И так, Храбр последовательно противопоставляет славянскую азбуку, созданную Кириллом, греческой. Можно сказать, что именно в этом и заключается основная идея трактата «О письменах». Храбр, сравнивая славянское письмо с греческим, говорит о них как о двух разных системах письма. Греческая - результат **устроения**, а славянская - результат **творения**. И мысль, лежащую в основании этого противопоставления, Храбр вводит в свой рассказ уже в первых строках. Характеризуя письмо, которым славяне пользовались после крещения, но до появления славянской азбуки, Храбр говорит, что это было греческое письмо **без устроения,** где под устроением понимается приспособление чужого алфавита: **кр҃(с)тивше же сѧ, нуждахуся римскими и греческими писмены писати словеньскую рѣчь бе(з) оустроєнїѧ**. Если иметь в виду все последующее изложение, становится понятным, что Храбр знает о возможности использования греческого письма **с устроением**. Поэтому-то кириллица не может рассматриваться как азбука, о которой говорит Храбр. Ведь если иметь в виду только происхождение букв, а не их начертания, то следовало бы признать, что кириллица мало чем отличается от греческого алфавита. Как и для греческого алфавита, часть букв для нее тоже **wбрѣли**, а другие **приложили.** Кириллица есть азбука, возникшая наподобие греческого алфавита, она являет собой тип **устроенной** азбуки. Следовательно, свою апологию славянской азбуки Храбр написал о глаголице.

«Сказание о письменах Черноризца Храбра» является и самым древним свидетельством существования у глаголических букв названий, построенных по акрофоническому принципу. Во второй главе своего сочинения, рассуждая о недостатках греческого алфавита для записи славянской речи и об основаниях для создания особого славянского алфавита, Храбр говорит: **кр҃(с)тив`ше же се, ры(м)скими и грьчьскыми писмены нуж(д)аахуся се словен`скы рѣчь без оустроєнііа . нъ како можетьсе писати добрѣ грьчьскыми писмены . бъ и(л) живwть . или зѣлw . или цр҃кwвь . или чааніе . или широта . или іадь . или оудъ . или юность . или єзыкъ . и иная по(д)бнаа симь.**

В перечне славянских слов, начинающихся характерными славянскими звуками, для которых нет соответствий ни в звуках, ни в буквах греческого языка, Храбр привел примеры в порядке следования букв в кирилловом алфавите. Отдельные из этих примеров полностью совпадают

с сохранившимися именами букв славянского алфавита (**Ѕѣлѡ**, **Ꙗдь**), другие не являются их точными соответствиями, но либо начинаются тем же корнем (например, слово **живѡть**), либо являются такими словами, по отношению к которым имена букв можно рассматривать как сокращенные, «свернутые» варианты (**црквь, широта, юность, ѧзыкъ**).

Хотя в «Сказании» славянские имена букв засвидетельствованы древнеболгарским автором не в полном составе, а лишь выборочно, они дают возможность судить, что имена славянских букв относились первоначально к глаголице.

Рассуждая далее о порядке букв в кирилловом алфавите и указывая на соответствие его строю греческой азбуки, Храбр упоминает имя начальной буквы **Ѧзъ**: **посла имь стого Кѡстантина философа нарицаемаго Кирила, мѫжа праведна и истинна . и сътвори им .л. писмена и осмь, ѡва ѹбѡ по чиноу гръчьскыхъ писменъ, ѡва же по словѣнстѣи рѣчи. Ѡт пръваго же наченъ по гръчьскоу. ѡни оубо алфа а съ азь. Ѡт аза начѧтъ ѡбое, и ꙗкоже ѡни подобльше сѧ жидовьскымь писменемь сътворишѫ, тако и съ гръчьскымъ... тѣм бо по(д)бѫ стыи Кирилъ створи пръвое писмѧ азъ**. Как можно судить на основании этого отрывка, имена букв славянского алфавита составлялись с назидательной, дидактической целью. Храбр объясняет значение этой буквы как первого символа алфавита: «И послал им (Бог) святого Константина Философа, названного (в пострижении) Кириллом, мужа праведного и истинного. И создал он для них тридцать восемь букв, одни по порядку греческих букв, а другие в соответствии со славянской речью. По подобию греческого алфавита он начал свою азбуку, они начали с *альфы,* а он в начало поставил **Ѧзъ.** И как греки следовали еврейскому письму, так он греческому. У евреев первая буква *алеф,* что значит *учение.* Когда приводят ребенка учиться, говорят ему «*алеф*», значит «учись». И греки, подражая, сказали «*альфа»,* значит «ищи». И следуя за ними, святой Кирилл создал первую букву **Ѧзъ.** Но потому что **Ѧзъ** была первой буквой, данной от Бога роду славянскому, чтобы открыть для знания учащих буквы уста, возглашается она широким раздвижением губ, а другие буквы возглашаются меньшим раздвижением губ». Имена славянских букв, как и наименование букв других древних алфавитов, содержали поучительный смысл и служили начальными нравственными наставлениями.

О первой букве алфавита **Ѧзъ**, на которую Черноризец Храбр обращает особое внимание и рассуждениям о значении которой отводит большую часть третьей главы «Сказания», следует сказать отдельно. Храбр говорит об **Ѧзъ** как о «первой букве, данной от Бога роду славянскому», как о букве, отверзающей уста. Храбр пишет об **Ѧзъ,** используя библейские образы. В Библии именно Бог «стоит при устах» праведника, «отверзает уста»: **ги оустнѣ мои ѡтвръзеши и оуста моа възвѣстѧтъ**

хвалѫ твоѫ (Пс, 50; 17). Поэтому в библейском контексте и в контексте «Сказания» **азъ** воспринимается как христианский символ Бога. Если иметь в виду, что в глаголице начертание **Ⰰзъ** представляет собой крест, то становится понятным, что Черноризец Храбр не случайно прибегает к такой высокой библейской образности, говоря о начальной букве азбуки. Именно начертание глаголической буквы **Ⰰзъ** и вызывает тот высокий христианский смысл, который содержится в высказываниях Храбра**.**

Таким образом, Черноризец Храбр и в еще одном отношении противопоставил славянское письмо греческому: «славянские буквы более святы», их создал «святой муж». Из двух древнеславянских алфавитов именно глаголица может восприниматься как священная сакральная азбука; на ее особую «святость» указывает уже начальная буква **азъ** р , имеющая форму креста и хризмона, символа, осеняющего начало всякого творения.

Выводы

В главе были рассмотрены основные источники изучения глаголицы, к которым мы относим древнеславянские глаголические памятники, глаголические абецедарии, азбучные акростихи, «Сказание о письменах Черноризца Храбра». Несмотря на то, что рукописи, относящиеся непосредственно к деятельности славянских первоапостолов, не сохранились, дошедшие до нас памятники в своей совокупности служат достаточным источником для решения вопроса о происхождении глаголической азбуки, ее первоначальном составе, именах букв, древности глаголических почерков, содержании глаголических начертаний.

Исключительно ценным историческим документом для решения вопроса об атрибуции глаголицы Кириллу, а также ряда других вопросов, связанных с происхождением славянской письменности, является «Сказание о письменах Черноризца Храбра». Именно на основании свидетельств древнеболгарского писателя становится возможным установить, что, во-первых, Кириллом была составлена глаголица: на глаголицу указывает буквенный ряд, приведенный Храбром, как он сохранен Московским списком. Среди букв, созданных Константином-Кириллом, Храбр упоминает букву **Хлъ** h**.** Такая буква встречается только в глаголическом письме. В последующем изложении будет показано, какое глубокое символическое значение имеет начертание этой буквы в общем ряду других глаголических знаков.

Из приведенных свидетельств древнеболгарского писателя следует, во-вторых, что славянские имена букв **Ⰰзъ, Ⰱоѹкы, Ⰲѣдѣ, Глаголи, Добро, Ⰻстъ** были созданы самим Константином-Кириллом и что они первоначально относились к начертаниям глаголицы.

Далее, этот исторический документ предстает как один из немногих собственно славянских источников, имеющих исключительное

значение для установления состава и символического значения букв глаголической азбуки. Само свидетельство древнеболгарского писателя о том, что Кирилл, создавая азбуку, начинал с буквы **ⰸⰷⱏ**, является очень важным. Оно поддерживает идею о том, что Кирилл был автором глаголического письма, так как именно в глаголице начертание **ⰸⰷⱏ** представляет собой знак в виде креста, являющегося главным христианским символом.

Запечатленное древнеболгарским автором ощущение особой святости славянского письма и его связи с божественным знанием подкрепляет предположение о том, что формы глаголических букв не произвольны, не могут рассматриваться как результат простого преобразования букв «чужих» алфавитов, а внутренне обусловлены, наделены существенным значением. Речь идет о внутренней символике букв, которые следует рассматриват не как отдельные знаки, а как элементы единого замысла, как фрагменты общей запечатленной идеи.

То обстоятельство, что первый славянский алфавит создавался гениальным философом и филологом Константином-Кириллом специально с целью широкого приобщения славянских племен к христианству, побуждает искать в глаголице не просто содержательные связи, но вполне определенный замысел, воплощение творческой концепции, религиозно-философских представлений ее автора. Обнаружение таких особенностей будет служить ключом к «семиотическим тайнам» глаголицы.

Summari

The text of the Story about the letters written by Chernorizec Hrabr is analised once more in the article as one of the main basis for the investigation of the glagolitic problem. It is shown that the context of the Story contains necessary arguments sufficient for the solution that it was jast the glagolitic alphabet, that was created by Constantine-Cyril. The number of the slavonic letters, named by Chernorizec Hrabr, as well as their order and some of their names and mainly the consecutively expressed opposition of the Cyril's alphabet to the Greek one persuade in this conclusion.